

УДК 821.111(73)

Анна Андреевна Шпак¹

¹Сибирский федеральный университет

Значение культуры в экономических, технологических и социальных трансформациях. Часть 1.

Аннотация: В первой части статьи подробно рассмотрена концепция структуры культуры, предложенная профессором Джанет Стивенсон (Новая Зеландия) для анализа причин, по которым различные сообщества либо принимают технологические инновации и следуют им, либо препятствуют и тормозят соответствующие усилия, которые предпринимают государства и/или корпорации по внедрению новых видов энергетических технологий, где увеличивается объем возобновляемой энергии. Профессор Стивенсон создает модель структуры культуры, которая обладает достаточной объяснительной силой и может быть применена в различных научных дисциплинах. Для анализа степени готовности различных регионов и групп современной России принять или отвергнуть инновационные технологии искусственного интеллекта данная концепция и данная модель структуры культуры имеют важное значение и будут применены в качестве концептуальной и методологической базы ряда прикладных исследований.

Ключевые слова: культурные изменения, технологические трансформации, социальные изменения, неустойчивое прошлое, неустойчивое настоящее, устойчивое будущее, структура культуры, Джанет Стивенсон

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

Anna A. Shpak¹

¹Siberian Federal University

The value of culture in economic, technological and social transformations. Part 1

Abstract: In the first part of the article, the concept of the structure of culture, proposed by Professor Janet Stephenson (New Zealand) is considered in detail to analyze the reasons why

different communities either accept technological innovations and follow them, or hinder and slow down the corresponding efforts made by states and/or corporations. on the introduction of new types of energy technologies, where the volume of renewable energy is increasing. Professor Stephenson creates a model of the structure of culture, which has sufficient explanatory power and can be applied in various scientific disciplines. To analyze the degree of readiness of various regions and groups of modern Russia to accept or reject innovative artificial intelligence technologies, this concept and this model of the structure of culture are important and will be used as a conceptual and methodological basis for a number of applied studies.

Keywords: cultural change, technological transformation, social change, unsustainable past, unsustainable present, sustainable future, culture structure, Janet Stephenson

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

К глобальным экономическим и социальным проблемам относятся процессы и их последствия, связанные с капитализмом, идеологией сверхпотребления и колониализмом. Культура может способствовать торможению трансформаций, благодаря стойкости и глубине укоренённых моделей верований, практик и материальных ожиданий. Одновременно она может быть влиятельной силой при переходе к устойчивому развитию, которое ожидается от будущего. Для исследования потенциала культурных практик в процессах трансформации, ведущих к достижению устойчивого развития, необходимо понять, что именно в культуре приводит к торможению позитивных процессов, а что может ускорить их достижение.

Проблематике поиска культурных практик, опираясь на которые можно достичь целей устойчивого развития, посвящена новая книга Джанет Стивенсон «Культура и устойчивость», изданная в издательстве Шпрингер 23 марта 2023 г.

Джанет Стивенсон – профессор-исследователь Центра устойчивого развития университета Отаго (Новая Зеландия) (рис.1). Она является директором Центра устойчивого развития с февраля 2011 года. Ее академическое образование связано с социологией, планированием и гуманитарной географией. Она присоединилась к Центру в качестве старшего научного сотрудника в конце 2008 года, ранее преподавала на географическом факультете Университета Отаго с 2002 по 2008 год. Джанет входит в руководящий комитет Университета Отаго по исследовательским темам Catchments Otago и Otago Energy Research Center. Она входит в Консультативный совет INCLUDE норвежского исследовательского Центра социально инклюзивных энергетических

переходов, исследовательской программы BEATS (Искусственная среда и активный транспорт в школу) и программы BRANZ Transition to Zero Carbon. Она также является членом сотрудничества Coastal People: Southern Skies, которое объединяет сообщества с ведущими в мире междисциплинарными исследованиями по восстановлению прибрежных экосистем (<https://www.otago.ac.nz/centre-sustainability/staff/otago038792.html>).

Рис.1. Джанет Стивенсон, автор книги «Культура и устойчивость». Источник изображения: <https://nz.linkedin.com/in/janet-stephenson-a99b53a6>

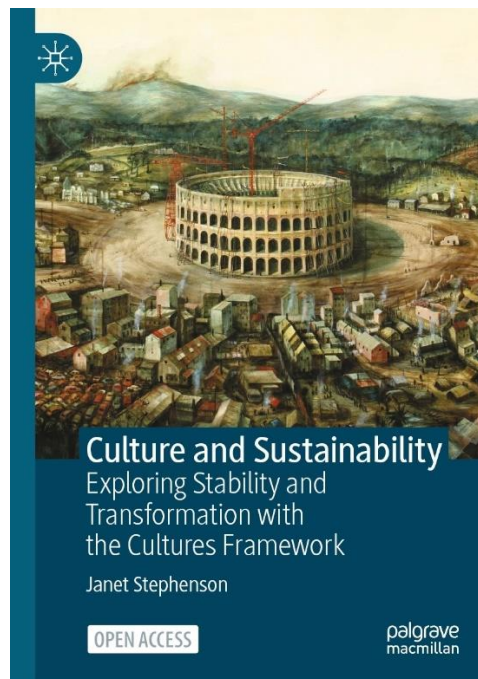

Рис.2. Обложка книги Дж. Стивенсон «Культура и устойчивость». Источник изображения: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-25515-1#about-this-book>

Основная зона исследовательского интереса профессора Дж. Стивенсон связана с энергетическими проектами и с переходом на «зеленую экономику». В этом контексте можно обратить внимание на ее последние проекты:

1) «Зеленая сеть» — Джанет Стивенсон была ключевым исследователем в исследовательской программе «Зеленая сеть». В исследовании изучалось, как в будущем можно будет управлять электросетью Новой Зеландии с более высокими уровнями возобновляемой энергии, распределенной генерации и освоения потребителями новых подключенных к сети устройств, таких как фотогальваника, электромобили и системы управления энергопотреблением. Программу возглавил Эпсентр Кентерберийского университета.

2) «Energy Cultures-2» («Энергетические культуры-2») — Джанет руководила четырехлетней междисциплинарной исследовательской программой Energy Cultures-2. В

нем рассматривались вопросы: как лучше всего Новая Зеландия могла бы реализовать рентабельные возможности повышения энергоэффективности и экономии в домах, малых предприятиях и их транспорте? Что предлагают новые транспортные технологии и методы для повышения эффективности? Результаты обобщаются для лиц, определяющих политику: краткие аналитические записки по энергетической культуре (<https://www.otago.ac.nz/centre-sustainability/staff/otago038792.html>).

Книга «Культура и устойчивость» (рис.2) таким образом возникает не на пустом месте, а является результатом многолетних исследований, связанных с экономическими, социальными, технологическими трансформациями энергетических систем, построенных с более высоким уровнем и объемом использования возобновляемых источников. Одним из ключевых терминов ее новой книги является «энергетическая культура» (2010). Наверное, неслучайно данная книга находится в открытом доступе, что свидетельствует о ее высокой актуальности и обращенности к широкому кругу читателей. Ключевые слова книги: кризис устойчивого развития, культура, трансформация, энергетические культуры, структура культур, изменение климата, переход. Автор сразу же вводит нас в проблематику изменений, трансформаций, переходов.

Книга имеет структуру, состоящую из 9 разделов, каждый из которых разделен на несколько глав:

1. Интродукция.
 - 1.1. Кризис культуры.
 - 1.2. Что такое культура?
 - 1.3. Почему культура имеет значение?
 - 1.4. Введение в структуру культур.
 - 1.5. Выводы.
2. Дивергенция культуры.
3. Конвергенция культур.
4. Структура культур.
5. Культурная стабильность.
6. Культурные изменения.
7. Использование структуры культур для анализа политики.
8. Использование структуры культур для исследования.
9. Заключение.

В силу ограниченности объема научной статьи необходимо выделить главные положения, которые определяют общий смысл исследования. Представляется, что теоретически значимым является положение о структуре культур, поскольку в дальнейшем

именно этот концепт будет применяться для анализа политики и для дальнейшей научной аналитики. Также значимо и общее понимание культуры, которое Джанет Стивенсон использует для анализа социальных, экономических и технологических трансформаций.

В интродукции профессор Стивенсон пишет:

«В социальных науках, и особенно в антропологии и социологии, культура является основным объяснительным понятием. Обычно это относится к общим качествам и социальным процессам, которые не являются ни уникальными для отдельных людей, ни общими для человечества в целом. Культура — это то, как социальные группы развиваются и сохраняют отличительные черты; как они передают значения и идентичность; и как они сохраняют членство с течением времени. Культурные процессы лежат в основе различий между человеческими обществами, а также относительной однородности внутри любой данной группы социальных акторов.

Проще говоря, культура включает в себя сходные шаблоны для группы людей в том, как они думают, что они делают и что у них есть. В следующих главах я усложню и уточню это понятие, но это хорошее место для начала. Культура отражает тот факт, что то, что мы думаем, делаем и имеем (дома, на работе, в Интернете, в обществе, с нашими друзьями), находится под сильным влиянием других. Культура включает в себя способы понимания и мышления о мире, которые мы разделяем с другими и которые побуждают нас действовать так, как мы делаем, действия, которые мы совершаем на регулярной или нерегулярной основе, и вещи, которые мы делаем, используем, ценим или приобретаем. Важной особенностью культуры является то, как они взаимосвязаны: общие когнитивные особенности формируют то, что мы делаем и что у нас есть; действия, которым мы учимся у других, формируют то, как мы думаем и что у нас есть; и то, что у нас есть, формирует то, что мы делаем и как мы думаем. Эта динамика показана на рис.3.

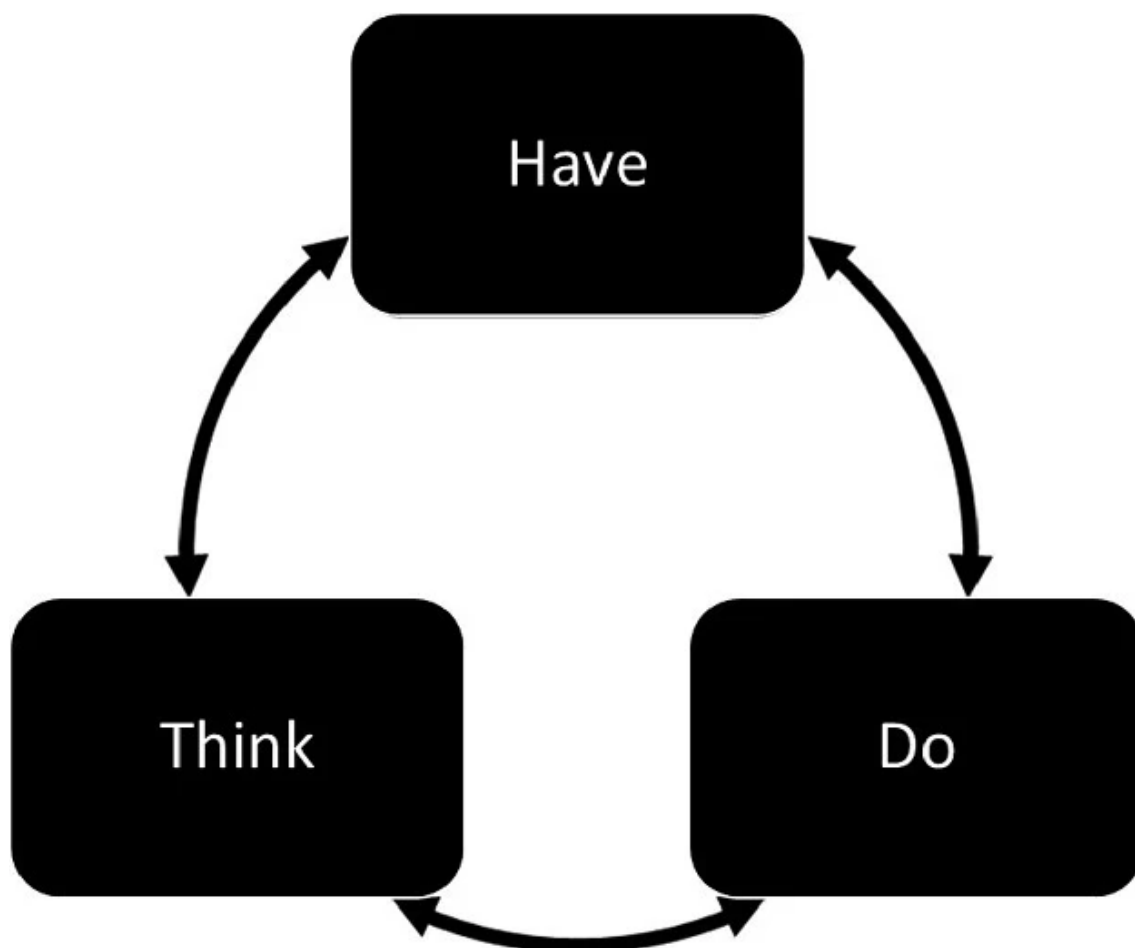

Рис.3. Базовые элементы и динамика культуры

Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_1/figures/1

Изучение значения культуры для устойчивого развития — это несколько иная задача, чем изучение культуры в целом. Вместо изучения культур, которые можно определить, скажем, по определенным музыкальным вкусам или представлениям о загробной жизни, меня интересуют аспекты культуры (культур), влияющие на социальное, экологическое и/или экономическое благополучие. Существует прочная нить таких исследований, как работа по культурам потребления (McCracken, 1990), культурам отходов (Hawkins & Muecke, 2003), нефтекультурам (Wilson et al., 2017) и автомобилям, культурному нормированию жизни, владение автомобилем (Urry, 2004). Культура также имеет положительные ассоциации с более устойчивым будущим, такие как мировоззрения, ценности и связанные с ними практики, по крайней мере, некоторых культур коренных народов (Artelle et al., 2018; Berkes, 1999) и тех групп, которые работают над экологическими причинами (например, Мир et al., 2012) или намеренно изменить свое поведение и выбор потребления (например, Quinn & Westwood, 2018). На уровне управления действия и решения формируются «политической культурой» (Geels et al.,

2007) и «политической культурой» (Bailey, 2007), а страны могут иметь разные «энергетические культуры» (Stephenson et al., 2021).

Во всех этих и других смыслах культура может играть важную роль в создании неустойчивого мира, в котором мы сейчас живем, и может сыграть еще более важную роль в переходе к устойчивому (Goggins et al., 2022; Sovacool & Griffiths, 2020a, 2020b). В последние десять лет наблюдается всплеск интереса к социологическим исследованиям в области культуры, в основном в области энергетики и транспорта. Тем не менее, культура в значительной степени игнорируется в большей части литературы по устойчивому развитию или помещается в остаточную категорию влияний, а не признается могущественной силой, которой она является. Соответственно, эта книга призвана сделать культуру более доступной как понятие и более эффективной как аналитическая линза» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_1).

Понятие «культура» в этом рассуждении принимает сугубо прикладной характер. Культурные отличия принимаются в качестве важнейших социальных факторов. Они должны быть приняты во внимание во всех современных технологических трансформациях, так как могут или существенно тормозить их или способствовать их скорейшему осуществлению.

Профессор Дж. Стивенсон подробно объясняет, зачем нужно исследование культуры в контексте достижения устойчивого развития в следующем структурном элементе интродукции, который называется «Почему культура имеет значение?»:

«Природа кризиса устойчивости хорошо изучена в других местах, и нет необходимости повторять здесь какие-либо подробности: это каскадная дестабилизация природных систем Земли с ужасающими последствиями для здоровья и благополучия людей и других живых существ. Кризис, как правило, описывается с помощью частичных дескрипторов, таких как изменение климата, массовые вымирания, загрязнение, обезлесение или закисление океана, а его воздействие на человека — с помощью таких ярлыков, как продовольственный кризис, климатическая миграция, финансовый кризис, геополитическая напряженность и неравенство между поколениями (United Nations, 2015). Кризис, однако, не приходит в аккуратных упаковках. Он включает в себя совокупность этих и других мер дестабилизации и связи между ними (Lade et al., 2020; Steffen et al., 2015). Его фундаментальными причинами являются системы эксплуатации, производства и потребления, основанные на вере в то, что системы Земли обладают бесконечной способностью действовать как источник ресурсов и поглотитель отходов (Klein, 2015).

Ответственность за кризис устойчивости распределяется неравномерно. Если рассматривать только выбросы парниковых газов, то самые богатые страны мира (включая США, Канаду, Японию и большую часть Западной Европы) несут ответственность за 50% всех парниковых газов (ПГ), произведенных промышленностью и сжиганием ископаемого топлива с 1850 года, несмотря на то, что на их долю приходится всего 12 % населения мира (Andrew and Peters, 2021). Применительно к предприятиям две трети исторических выбросов парниковых газов в период с 1880 по 2010 г. были произведены всего 90 компаниями (Ekwurzel et al., 2017), а с 1998 г. 71 % глобальных выбросов ПГ был произведен всего 100 компаниями. компаний (Griffin, 2017). Если посмотреть на сравнительную ответственность с другой стороны, то на долю самых богатых 10% населения мира приходилось около 50% глобальных выбросов в 2020 году, а на 1% самых богатых приходилось 15% выбросов. Напротив, 50% беднейших слоев населения мира несут ответственность лишь за 7% глобальных выбросов ПГ (Kartha et al., 2020).

Соответственно, небольшая часть наций, корпораций и отдельных лиц являются главными распространителями (и бенефициарами) неустойчивых систем производства и потребления. Их мотивы, действия и материальный выбор привели к деградации мировых природных систем, а также к накоплению богатства в руках немногих. Капитализм по своей сути требует неравенства, чтобы процветать (Piketty, 2020). Из-за этих акторов и их действий большая часть остального человечества либо подверглась эксплуатации и была лишена какой-либо возможности обеспечить скромные устойчивые средства к существованию, либо оказалась неумолимо захвачена стремлением к неустойчивому потреблению, так что жизнь за пределами планеты стала нормализованы и во многом бесспорны. Несмотря на широкое распространение информации о наносимом ими ущербе, эти могущественные акторы продолжают обогащаться и эксплуатировать других за счет стабильности глобальных систем (Dunlap and Brulle, 2020). Это косвенно подтверждается широко разделяемым убеждением, что люди и организации имеют право преследовать свои цели богатства и власти, несмотря на огромные издержки, которые несет остальная часть человечества и другие виды, сейчас и в будущем.

Еще можно изменить направление, но, как видно из недавних докладов Межправительственной группы экспертов по изменению климата и Организации Объединенных Наций, у нас осталось очень мало времени (IPCC, 2022; United Nations, 2022). В течение одного поколения (25 лет) миру необходимо достичь нулевых чистых выбросов углерода, а также заметно сократить другие критические превышения. Это потребует радикальных изменений в устоявшихся способах поиска материалов, предоставления услуг и создания продуктов, а также в допустимых уровнях потребления

(относительно) богатых. Это потребует преобразований во всех секторах общества, включая органы управления, предприятия, сообщества и домашние хозяйства. Масштабы проблемы нельзя недооценивать. Это включает в себя восстановление целостности экологических систем при одновременном преодолении последствий изменения климата и других дестабилизирующих факторов, вызванных самим собой, наряду с созданием устойчивых источников средств к существованию и устойчивых сообществ, а также обеспечением устранения неравенства или, по крайней мере, недопущения его усугубления.

Представления о том, насколько глубоким должен быть переход, чрезвычайно разнообразны. Наиболее широко продвигаемая концепция устойчивого будущего отражена в Целях устойчивого развития (ЦУР). Они были приняты всеми государствами-членами Организации Объединенных Наций в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (United Nations, 2015). Семнадцать ЦУР включают искоренение бедности и других лишений, улучшение здоровья и образования, сокращение неравенства, борьбу с изменением климата и сохранение океанов и лесов, одновременно стимулируя экономический рост. Аналогичного подхода придерживается Международное энергетическое агентство, которое увязывает расширение использования возобновляемых источников энергии с созданием рабочих мест и экономическим ростом (International Energy Agency, 2020). В этих представлениях устойчивость означает одновременное достижение социальных, экономических и экологических целей, при этом упуская из виду, что многие из них будут несоизмеримы и, следовательно, потребуют компромиссов (Spangenberg, 2017). Если основным мерилom успеха является экономический рост, то неизбежно пострадают социальные и экологические цели.

Тем не менее становится все более очевидным, что стремления к вечному экономическому росту, продвигаемые ортодоксальной экономической теорией, должны быть сдерживаемы биофизическими реалиями (Boston, 2022). Альтернативная точка зрения признает, что функции природных систем нельзя заменить, что рост и использование ресурсов не могут быть в достаточной степени отделены друг от друга, и что люди должны ограничивать свое потребление, чтобы не разрушать естественные процессы, от которых мы зависим (Ayres et al., 2001; Parrique et al., 2019). Это отражено в «экономике пончиков» (doughnut economics¹), которая исходит из того, что экономическая деятельность должна осуществляться в безопасном и справедливом для человечества пространстве. Потребительские стремления должны быть умеренными, чтобы все люди имели доступ к

¹ Что такое экономическая теория пончиков? Пончик состоит из двух концентрических колец: социального основания, гарантирующего, что никто не останется без средств к существованию, и экологического потолка, гарантирующего, что человечество коллективно не выйдет за планетарные границы, защищающие системы жизнеобеспечения Земли.

предметам первой необходимости (например, к достаточному питанию, жилью, политическому голосу, надлежащему медицинскому обслуживанию), не выходя за пределы природных систем Земли (Raworth, 2017).

Другие аналитики призывают к еще более глубокому пересмотру местной и глобальной экономики, утверждая, что жизнь в рамках биофизических ограничений потребует радикального сокращения ожиданий финансового благосостояния и потребительских товаров, а также более простого образа жизни, ориентированного на местные условия. Это потребует замедления роста (т. е. целенаправленного сокращения ВВП), и некоторые утверждают, что для этого потребуются новые экономические системы, такие как постростовая или посткапиталистическая экономика (Büchs and Koch, 2019; Jackson, 2021; Kallis, 2018).

Независимо от того, насколько далеко идущими должны быть изменения, процесс их достижения будет сложным и трудным. Это будет связано с преобразованием систем производства и потребления, которые вызвали глобальный кризис устойчивости. Это требует серьезной корректировки, отказа от обычного ведения бизнеса во всех масштабах и реализации идей, которые всего десять лет назад казались радикальными, таких как эмбарго на разработку новых ископаемых видов топлива, экономики замкнутого цикла, жилья с нулевым уровнем выбросов, городов с отрицательным выбросом углерода и регенеративных технологий. сельское хозяйство. Самое главное, это требует отказа от идеологий, лежавших в основе неустойчивой экономической системы на протяжении последних 200 лет, и разработки новых общих идеологий.

К сожалению, ни одна из этих амбиций не достаточна. Организация Объединенных Наций сообщает, что цели устойчивого развития на 2030 год кажутся все более недостижимыми и что выживание человечества находится в серьезной опасности в результате взаимосвязанных и каскадных кризисов (United Nations, 2022). Скорость вымирания видов ускоряется и в сотни раз выше, чем за последние 10 миллионов лет (IPBES, 2019). Если нынешняя политика страны будет продолжена, к 2100 году земной шар будет готов к повышению температуры на 2–3,6 градуса. около 2,1 градуса к концу века (Climate Analytics and New Climate Institute, 2022). Несмотря на очевидное намерение действовать, страны и сектора меняются недостаточно быстро и не желают проводить изменения в необходимом масштабе и глубине.

Мы можем обвинять многих: политиков, которые боятся негативной реакции со стороны своих избирателей; в мощных отраслях промышленности, которые получают наибольшую прибыль в статус-кво; в экономических системах, которые отдают предпочтение краткосрочной прибыли долгосрочным выгодам; в секторах бизнеса,

которые продолжают делать то же самое, потому что это проще всего; в политике, которая отдает предпочтение обычному бизнесу; в социальных сетях за распространение отрицания и нереалистичных ожиданий; или на домохозяев, стремящихся жить так, как им кажется нормальной жизнью. Хотя некоторые из них более ответственны, чем другие, все они замешаны в увековечивании кризиса, и ни один из них не может предоставить только те решения, которые нам нужны. Для всех этих акторов фундаментальной проблемой является неразрешимость неустойчивых убеждений, идеологий, ценностей, практик и материальных ожиданий — кризис культуры.

Культура имеет основополагающее значение для преобразующих изменений, которые необходимы для предотвращения худших последствий дестабилизирующей планеты и создания более обнадеживающего и справедливого будущего. Переходы к устойчивому развитию, как их часто называют, обязательно связаны с социальными преобразованиями, а также с политическими, экономическими и технологическими преобразованиями. На сегодняшний день в большинстве взглядов на переходы мало внимания уделялось культуре, хотя в некоторых работах в области социотехнических переходов изучались аспекты влияния культуры в рамках более широких процессов (например, Geels & Verhees, 2011; Sovacool & Griffiths, 2020a, 2020b). Винклер (2020) описывает нынешний кризис как результат культурной гегемонии правящего класса, разделяющего идеологию централизации экономического роста, с неустойчивыми последствиями, включая ущерб окружающей среде и социальное неравенство. Он предполагает, что эта доминирующая культура может быть изменена только агентами изменений из гражданского общества, бизнеса и правительства, которые способствуют дестабилизации доминирующего режима и его замене новыми идеологиями и соответствующими материальными и нематериальными условиями, которые соответствуют устойчивым результатам. Целенаправленное культурное изменение в различных масштабах имеет решающее значение для достижения устойчивого перехода» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_1).

Действительно, в этой небольшой главе Дж. Стивенсон приводит все базовые аргументы сторонников необходимости трансформаций, которые приведут мир к более устойчивому развитию. Для этого необходимо понять структуру культуры и как она воздействует на процессы в их ключевых точках.

В главе «Введение в структуру культур» профессор Стивенсон дает на этот вопрос развернутый ответ:

«Культура — как она связана с устойчивостью — срочно нуждается в лучшем понимании. Если у нас есть шанс дожить до конца этого века, не подорвав полностью

планетарные системы жизнеобеспечения, нам нужно понять, как действует культура. Нам нужно знать, как и почему одни культуры меняются, а другие остаются относительно статичными. Нам необходимо выяснить, как в прошлом возникали более устойчивые культуры, и сохраняли ли они эти характеристики, и если да, то каким образом. Нам нужно понять охват и влияние мощных неустойчивых культур и то, как их можно изменить. Нам нужно увидеть, как зарождаются, возникают и распространяются новые культурные механизмы — новые способы мышления, действия и обладания.

Но у нас есть проблема. Культура — одно из наиболее широко используемых понятий в социальных науках, однако ученые расходятся во мнениях относительно того, что оно означает, а непрофессионалы имеют расплывчатое и разное понимание. Академики могут критически относиться к тому, как неспециалисты используют понятие культуры, в то время как с непрофессиональной точки зрения академическая ценность и жаргон делают его значение почти невозможным для понимания. Как же тогда эффективно использовать концепцию культуры в качестве аналитической основы, чтобы помочь в достижении устойчивого перехода? Вместо того, чтобы быть неясным и недостижимым или, альтернативно, использоваться в качестве оправдания или обвинения, как мы можем сделать культуру понятной и применимой для всех к проблемам устойчивого развития, с которыми они сталкиваются?

Структура культур (рис. 4) — тщательно проверенный ответ на эти вопросы. Это концептуальная основа, представляющая динамичный ансамбль культуры и ее связь с результатами устойчивого развития. Как показано на рис. 4, она привлекает внимание к более широким влияниям на культуру, которые могут укреплять культурные модели или, наоборот, способствовать изменениям. Структура сосредоточена на любых субъектах, в которых мы заинтересованы, таких как отдельные лица, домохозяйства, сообщества, организации, предприятия или правительства, и учитывает их свободу действий (их способность делать выбор и действовать), потому что в конечном итоге переход к устойчивому развитию не произойдет без акторов, имеющих возможность вносить целенаправленные изменения в свои культурные ансамбли.

Структура культур одновременно является основой для поддержки междисциплинарных, мультитеоретических исследований культуры и моделью, которая может использоваться для анализа сама по себе. На момент написания она использовалась для поддержки или информирования более 100 исследовательских проектов в более чем 30 странах исследователями из самых разных систем знаний и дисциплин. Было показано, что она дает плодотворное понимание как культурной инерции, так и процессов культурных изменений. По своей сути эта структура помогает исследователям и непрофессионалам

«видеть» культуру как осязаемый, динамичный процесс, а не как загадочную и неизменную черту социальной сферы.

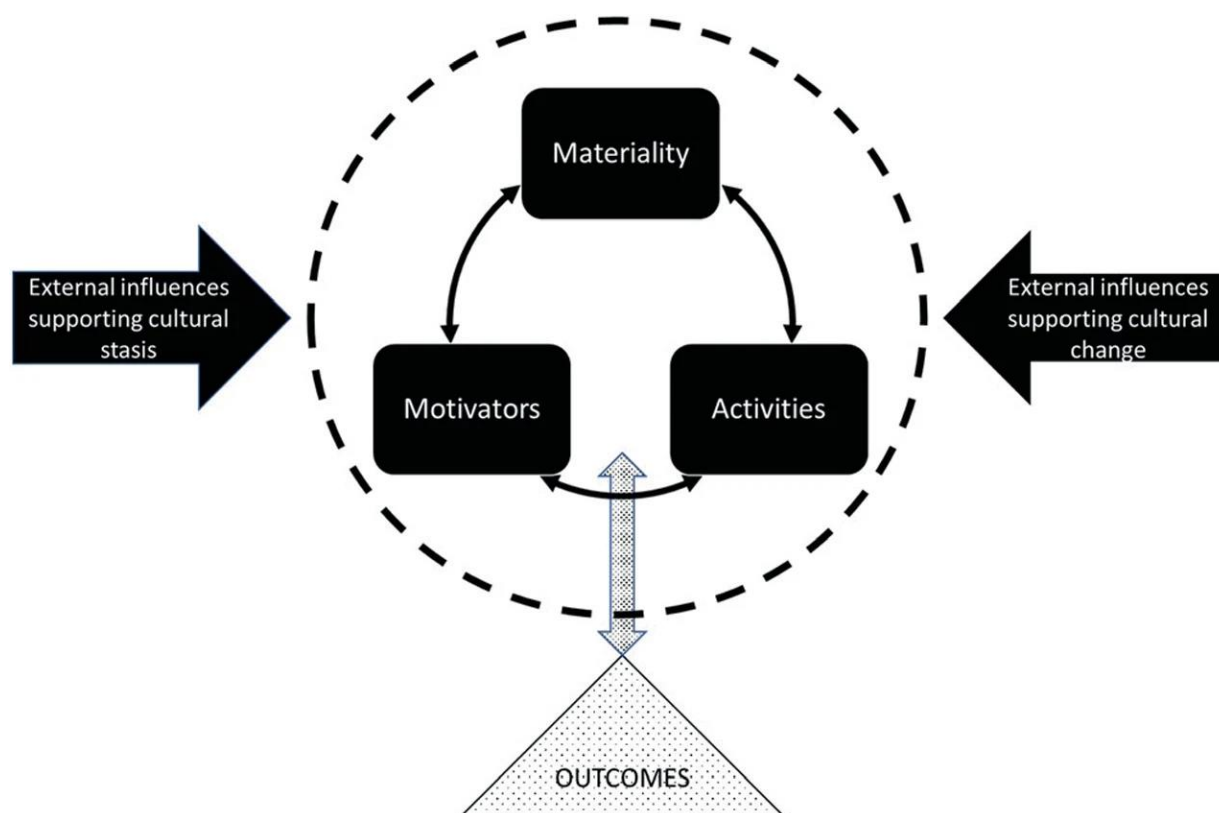

Рис.4. Структура культур. Источник изображения:

https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_1/figures/2

Я играла ведущую роль в разработке, тестировании и совершенствовании того, что мы первоначально называли «структурой энергетических культур» в рамках междисциплинарных исследовательских программ энергетических культур, которые мы проводили в Новой Зеландии в период с 2008 по 2016 год. Нашим основным интересом в то время было изучение того, почему домашним хозяйствам и предприятиям было так трудно перейти на более энергоэффективное поведение и/или технологии. Существующие аналитические подходы, основанные на существующих науках, предлагали лишь частичное понимание того, почему изменения были такими трудными. Мы рассмотрели объяснения из микроэкономики, поведенческой экономики, моделей внедрения технологий, социальной психологии и психологии окружающей среды, а также различных социологических теорий, включая социально-технические системы и практические теории. Каждая предлагала окно для аспекта изменения поведения, но большинство из них плохо справлялись с тем фактом, что люди живут в сложной системе влияний, которые нельзя свести к простым линейным объяснениям причин и следствий. У нас было предчувствие, что беспорядочное взаимодействие личных, социальных и технологических факторов,

включая социальные нормы, отношения людей с технологиями, организационное поведение и широкомасштабные идеологии, и институты, сильно повлияло на сохранение статус-кво. Но хотя аспекты этого загадочного смещения были хорошо изучены с помощью отдельных дисциплин или теорий, у нас не было концептуальной основы для рассмотрения этого комплекса влияний в целом.

Начиная с первой итерации, модель культур опиралась на множество теорий и объяснений поведения из социальных наук и была направлена на то, чтобы охватить исследовательские традиции, сосредоточенные на личности, и те, которые сосредоточены на более широких социальных процессах (подробно см. Stephenson, 2018; Stephenson et al., 2010; Stephenson, Barton, et al., 2015). Ее теоретические корни включали концепции габитуса (Bourdieu, 1977), структурирования (Giddens, 1984), практики (Reckwitz, 2002; Shove and Spurling, 2013), образа жизни (Chaney, 1996), социотехнических систем (Geels, 2002), акторно-сетевая теория (Latour, 1996), системного мышления (Midgely, 2003) и антропологический и социологический подходы к культуре (Hays, 1994; Ortner, 1984). С самого начала структура изображала культуру как взаимодействие между тем, как люди думают, и тем, что они делают и имеют. Терминология этой триады развивалась по мере того, как структура проверялась, пересматривалась и применялась ко все более широкому кругу тем, но концепция трех основных элементов культуры сохранилась.

Члены команды в первой крупной исследовательской программе Energy Cultures представляли такие дисциплины, как физика, экономика, право, потребительская психология и социология. Структура культур не только предложила концептуальный центральный элемент для разработки междисциплинарной исследовательской программы, но также поддерживала междисциплинарное сотрудничество, интеграцию результатов и разработку рекомендаций по вопросам политики. Вторая исследовательская программа Energy Cultures («энергетические культуры») включала еще более широкий спектр дисциплин и охватывала вопросы, связанные с эффективностью, устойчивостью и внедрением технологий в энергетическом и транспортном секторах, и была сосредоточена как на домашних хозяйствах, так и на предприятиях как субъектах культуры. Структура культур продолжала доказывать свою ценность в качестве концептуальной и аналитической модели, а также в качестве интегратора результатов и основы для дальнейших аналитических записок (Stephenson, 2018, 2020).

В течение семи лет этих двух программ эта структура подкрепляла результаты исследований по многим различным темам, включая энергоэффективность домашних хозяйств (Lawson and Williams, 2012), солнечное освещение (Walton et al., 2014), сушку древесины (Bell, et al., 2014), молодежную мобильность (Hopkins & Stephenson, 2014, 2016),

городские перевозки (Hopkins & McCarthy, 2016), бытовая солнечная генерация (Ford et al., 2017), транспортные переходы (Stephenson, Hopkins, et al., 2015), меры по повышению энергоэффективности домашних хозяйств (Scott et al., 2016), эффективность водителей (Scott and Lawson, 2018), энергоэффективность бизнеса (Walton et al., 2020) и рекомендации по вопросам политики (Stephenson et al., 2016). Эти приложения проверяли ее «полноту» как модели, а также способность давать надежные и полезные результаты. Важно отметить, что мы начали понимать, насколько хорошо она доносила концепцию культуры (и значение культурной динамики) до политиков, политиков и членов сообщества. Они легко восприняли его как инструмент мышления и увидели его актуальность для своих интересов.

После окончания исследовательской программы я и некоторые другие члены первоначальной команды продолжали использовать структуру в нашей собственной работе, как и некоторые из наших аспирантов. Но интересно, что фреймворк зажил своей собственной жизнью. С самого начала он был принят другими исследователями на международном уровне и часто применялся к темам, связанным с энергетикой, но также и к таким различным вопросам, как личное сокращение выбросов парниковых газов (Young and Middlemiss, 2012), потребности в воде для бытовых нужд (Manouseli et al., 2018), приготовление пищи (Jürisoo et al., 2019) и пол (Johnson et al., 2019). Было ясно, что эта структура позволила получить полезные и проницательные результаты в гораздо более широком диапазоне областей, чем мы предполагали. В 2018 году я писала об этом как об общей структуре, которая могла бы помочь исследовать «культуры устойчивого развития», поскольку большинство ее приложений были в общей области устойчивого развития (Stephenson, 2018, 2020).

Структура последовательно предлагает понимание того, как культура действует, чтобы ограничить и / или сделать возможными человеческие и организационные изменения. Она применялась в масштабах от личных (например, жизни семей, испытывающих нехватку топлива (McKague et al., 2016) до общенациональных сравнений путей декарбонизации (Stephenson et al., 2021). Она использовалась исследователями из широкого круга дисциплин и часто междисциплинарными группами. В большинстве исследований использовались качественные методы, либо интервью проводилось на основе элементов структуры (например, Hopkins & McCarthy, 2016), либо ретроспективно применялась структура для анализа качественных данных (например, Dew et al., 2017). Другие использовали количественные методы, например, используя наборы национальных демографических данных для выявления кластеров участников со схожими культурными характеристиками (например, Bardazzi & Paziienza, 2017) или используя структуру для интеграции больших наборов количественных данных (например, Manouseli et al., 2018).

Третьи использовали сочетание качественных и количественных методов (например, Scott et al., 2016). Выводы неизменно плодотворны и дают информацию, недостижимую с помощью других методов анализа (Dew et al., 2017)» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_1#Sec3).

Таким образом, Джанет Стивенсон утверждает, что ей удалось на основе обобщения огромного количества теорий из самых разных академических дисциплин выделить достаточно простую и ясную структуру культуры, которая может достаточно «легко» быть выстроена с помощью как качественных, так и количественных методов исследования. Она полагает, что предложенная структура культуры – прекрасный инструмент для анализа того, почему одни группы людей принимают изменения и стремятся их воплотить, а другие – нет.

Данная теория может быть применена для анализа регионов и групп современной России, которые принимают в той или иной степени технологии искусственного интеллекта. Простая и ясная схема профессора Стивенсон поможет выстроить крепкую и уже проверенную опору для аналитики культурных ансамблей, которые могут как препятствовать, так и способствовать соответствующим технологическим, экономическим и социальным трансформациям.

В следующей части статьи эти концептуальные и методологические возможности будут рассмотрены более подробно.

Список литературы

Andrew R. M., Peters G. P. The Global Carbon Project's fossil CO2 emissions dataset (2021, V.34). <https://doi.org/10.5281/zenodo.5569235>

Artelle K. et al. Values-led management: the guidance of place-based values in environmental relationships of the past, present, and future //Ecology and Society. – 2018. – V. 23. – №. 3.

Ayres R., Van den Berrgh J., Gowdy J. Strong versus weak sustainability: Economics, natural sciences, and consilience //Environmental Ethics. – 2001. – V. 23. – №. 2. – P. 155-168.

Bardazzi R., Paziienza M. G. Switch off the light, please! Energy use, aging population and consumption habits //Energy Economics. – 2017. – V. 65. – P. 161-171.

Bell M. et al. Socio-technical barriers to the use of energy-efficient timber drying technology in New Zealand //Energy Policy. – 2014. – V. 67. – P. 747-755.

Berkes F. Sacred ecology: Traditional ecological knowledge and resource management. Taylor & Francis, 1999. 392 p.

- Boston J. Living within biophysical limits: green growth versus degrowth //Policy Quarterly. – 2022. – V. 18. – №. 2. – P. 81-92.
- Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge University Press, 1977. 255 p.
- Büchs M., Koch M. Challenges for the degrowth transition: The debate about wellbeing //Futures. – 2019. – V. 105. – P. 155-165.
- Chaney D. Lifestyles. Routledge, 1996.
- Climate Analytics and New Climate Institute. The CAT thermometer. Retrieved from Climate Action. 2022. URL: <https://climateactiontracker.org/global/cat-thermometer/>
- Dew N., Aten K., Ferrer G. How many admirals does it take to change a light bulb? Organizational innovation, energy efficiency, and the United States Navy's battle over LED lighting //Energy research & social science. – 2017. – V. 27. – P. 57-67.
- Dunlap R. E., Brulle R. J. Sources and amplifiers of climate change denial //Research Handbook on Communicating Climate Change. – 2020. – P. 49-61.
- Dynamics of Krasnoyarsk Urban Space in the Early 21st Century / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 953-974. – DOI 10.17516/1997-1370-0434. – EDN OYMWLO.
- Ekwurzel B. et al. The rise in global atmospheric CO₂, surface temperature, and sea level from emissions traced to major carbon producers //Climatic Change. – 2017. – V. 144. – №. 4. – P. 579-590.
- Geels F. W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: a multi-level perspective and a case-study //Research policy. – 2002. – V. 31. – №. 8-9. – P. 1257-1274.
- Geels F. W., Pieters T., Snelders S. Cultural enthusiasm, resistance and the societal embedding of new technologies: psychotropic drugs in the 20th century //Technology Analysis & Strategic Management. – 2007. – V. 19. – №. 2. – P. 145-165.
- Geels F. W., Verhees B. Cultural legitimacy and framing struggles in innovation journeys: A cultural-performative perspective and a case study of Dutch nuclear energy (1945–1986) //Technological Forecasting and Social Change. – 2011. – V. 78. – №. 6. – P. 910-930.
- Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. University of California Press, 1984.
- Goggins G. et al. The role of culture in advancing sustainable energy policy and practice //Energy Policy. – 2022. – V. 167. – P. 113055.
- Griffin P. The carbon major's database CDP carbon majors report 2017. – 2017.
- Hawkins G. et al. (ed.). Culture and waste: The creation and destruction of value. – Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 142 p.

Hays S. Structure and agency and the sticky problem of culture //Sociological theory. – 1994. – P. 57-72.

Hopkins D., McCarthy A. Change trends in urban freight delivery: A qualitative inquiry //Geoforum. – 2016. – V. 74. – P. 158-170.

Hopkins D., Stephenson J. Generation Y mobilities through the lens of energy cultures: a preliminary exploration of mobility cultures //Journal of Transport Geography. – 2014. – V. 38. – P. 88-91.

Hopkins D., Stephenson J. The replication and reduction of automobility: Findings from Aotearoa New Zealand //Journal of transport geography. – 2016. – V. 56. – P. 92-101.

IPBES. Global assessment report on biodiversity and ecosystem services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (E. S. Brondizio, J. Settele, S. Díaz, & H. T. Ngo, Eds.). IPBES secretariat. 2019.

IPCC. Climate change 2022: Mitigation of climate change. Contribution of Working Group III to the sixth assessment report of the intergovernmental panel on climate change. Intergovernmental Panel on Climate Change.

Jackson T. Post growth: Life after capitalism. – John Wiley & Sons, 2021. 256 p.

Jürisoo M. et al. Old habits die hard: Using the energy cultures framework to understand drivers of household-level energy transitions in urban Zambia //Energy Research & Social Science. – 2019. – V. 53. – P. 59-67.

Kallis G. Degrowth. – Newcastle upon Tyne. – Agenda Publishing, 2018. 240 p.

Kartha S. et al. The Carbon Inequality Era: An assessment of the global distribution of consumption emissions among individuals from 1990 to 2015 and beyond. – 2020.

Klein N. This changes everything: Capitalism vs. the climate. – Simon and Schuster, 2015.

Koptseva, N. P. Environmental Management in Central Siberia (Based on Analysis of the Krasnoyarsk Territory) / N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: 2, Kuala Lumpur, 16–18 января 2018 года. – Kuala Lumpur, 2018. – P. 012020-20. – DOI 10.1088/1755-1315/164/1/012020. – EDN RVOGIX.

Krasnoyarsk Urban Environment: Main Characteristics / Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 1106-1123. – DOI 10.17516/1997-1370-0443. – EDN XYOYJE.

Lade S. J. et al. Human impacts on planetary boundaries amplified by Earth system interactions //Nature sustainability. – 2020. – V. 3. – №. 2. – P. 119-128.

Latour B. On actor-network theory: A few clarifications //Soziale welt. – 1996. – P. 369-381.

Lawson R., Williams J. Understanding energy cultures //conference of the Australian and New Zealand Marketing Academy. – 2012. – P. 3-5.

Manouseli D., Anderson B., Nagarajan M. Domestic water demand during droughts in temperate climates: synthesising evidence for an integrated framework //Water resources management. – 2018. – V. 32. – P. 433-447.

McCauley D., Heffron R. Just transition: Integrating climate, energy and environmental justice //Energy Policy. – 2018. – V. 119. – P. 1-7.

McCracken G. D. Culture and consumption: new approaches to the symbolic character of consumer goods and activities. – Indiana University Press, 1990. – V. 1. 168 p.

McKague F. et al. Understanding the energy consumption choices and coping mechanisms of fuel poor households in New Zealand //New Zealand Sociology. – 2016. – V. 31. – №. 1. – P. 106-126.

Midgely G. Systems thinking. Sage, 2003.

Ortner S. B. Theory in Anthropology since the Sixties //Comparative studies in society and history. – 1984. – V. 26. – №. 1. – P. 126-166.

Overview of Relevant Regional Culture Studies (the Krasnoyarsk Krai): Challenges and Approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 8. – P. 1568-1588. – DOI 10.17516/1997-1370-0465. – EDN UEXPPA.

Parrique T. et al. Evidence and arguments against green growth as a sole strategy for sustainability //European Environmental Bureau. – 2019. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2019/11/decoupling-debunked.pdf>

Peace A., Connor L. H., Trigger D. Environmentalism, culture, ethnography //Oceania. – 2012. – V. 82. – №. 3. – P. 217-227.

Piketty T. Capital and ideology. – Harvard University Press, 2021. 1104 p.

Quinn E., Westwood B. (ed.). Thinking Veganism in Literature and Culture: Towards a Vegan Theory. – Springer, 2018. 300 p.

Raworth K. Doughnut economics: seven ways to think like a 21st-century economist. – Chelsea Green Publishing, 2017. 320 p.

Reckwitz A. Toward a theory of social practices: A development in culturalist theorizing //European journal of social theory. – 2002. – V. 5. – №. 2. – P. 243-263.

Scott M. G. et al. Evaluating the impact of energy interventions: home audits vs. community events //Energy Efficiency. – 2016. – V. 9. – P. 1221-1240.

Scott M. G., Lawson R. The road code: encouraging more efficient driving practices in New Zealand //Energy Efficiency. – 2018. – V. 11. – P. 1617-1626.

Shove E., Spurling, N. (Eds.). Sustainable practices: Social theory and climate change. Routledge, 2013.

Sovacool B. K., Griffiths S. Culture and low-carbon energy transitions //Nature Sustainability. – 2020a. – V. 3. – №. 9. – P. 685-693.

Sovacool B. K., Griffiths S. The cultural barriers to a low-carbon future: A review of six mobility and energy transitions across 28 countries //Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2020b. – V. 119. – P. 109569.

Spangenberg J. H. Hot air or comprehensive progress? A critical assessment of the SDGs //Sustainable Development. – 2017. – V. 25. – №. 4. – P. 311-321.

Steffen W. et al. Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet //Science. – 2015. – V. 347. – №. 6223. – P. 1259855. 576 p.

Stephenson J. 14 Sustainability Cultures: Exploring the Relationships Between Cultural Attributes and Sustainability Outcomes //The Cambridge Handbook of Environmental Sociology. – Cambridge University Press, 2020. – V. 2. – P. 236-248.

Stephenson J. Culture and Sustainability: Exploring Stability and Transformation with the Cultures Framework. – Springer International Publishing, 2023. 243 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-031-25515-1>

Stephenson J. et al. Energy cultures policy briefs. – 2016. URL:
<https://researchcommons.waikato.ac.nz/bitstream/handle/10289/11149/EC%20Policy%20Briefs%20compiled.pdf?sequence=3&isAllowed=y>

Stephenson J. et al. Energy cultures: A framework for understanding energy behaviors //Energy policy. – 2010. – V. 38. – №. 10. – P. 6120-6129.
<https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.05.069>

Stephenson J. et al. The energy cultures framework: Exploring the role of norms, practices and material culture in shaping energy behaviors in New Zealand //Energy Research & Social Science. – 2015. – V. 7. – P. 117-123.

Stephenson J. R., Sovacool B. K., Inderberg T. H. J. Energy cultures and national decarbonisation pathways //Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2021. – V. 137. – P. 110592.

Stephenson J. Sustainability cultures and energy research: An actor-centred interpretation of cultural theory //Energy Research & Social Science. – 2018. – V. 44. – P. 242-249.

Transformation of the Krasnoyarsk Urban Space in the 90s of the 20th Century / V. S. Lusan, N. N. Pimenova, M. Ya. Khrebtov [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 1017-1034. – DOI 10.17516/1997-1370-0438. – EDN ZYLXXV.

United Nations. The sustainable development goals report 2022.

United Nations. Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development. 2015.

Urry J. The 'system' of automobility // *Theory, culture & society*. – 2004. – V. 21. – №. 4-5. – P. 25-39.

Walton S. et al. Energy Transitions: Lighting in Vanuatu (Project Report). – 2014.

Walton S., Zhang A., O'Kane C. Energy eco-innovations for sustainable development: Exploring organizational strategic capabilities through an energy cultures framework // *Business Strategy and the Environment*. – 2020. – V. 29. – №. 3. – P. 812-826.

Wilson S., Carlson A., Szeman I. (ed.). *Petrocultures: Oil, politics, culture*. – McGill-Queen's Press-MQUP, 2017. 544 p.

Winkler H. Towards a theory of just transition: A neo-Gramscian understanding of how to shift development pathways to zero poverty and zero carbon // *Energy research & social science*. – 2020. – V. 70. – P. 101789.

Young W., Middlemiss L. A rethink of how policy and social science approach changing individuals' actions on greenhouse gas emissions // *Energy Policy*. – 2012. – V. 41. – P. 742-747.

Zamaraeva, Yu. S. History of Complex Identity Research / Yu. S. Zamaraeva, N. P. Koptseva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 13, No. 7. – P. 1216-1229. – DOI 10.17516/1997-1370-0637. – EDN JPNKZK.

Дегтяренко, К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования / К. А. Дегтяренко // *Социальная антропология Сибири*. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 31-37. – EDN QTЛИЕМ.

Дегтяренко, К. А. Теоретико-методологические основания современных исследований этничности / К. А. Дегтяренко // *Сибирский антропологический журнал*. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 11-24. – DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-4-11-24. – EDN NAXVBF.

Ермаков, Т. К. Базовые схемы взаимодействия и алгоритмы властных отношений в видеоиграх / Т. К. Ермаков // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 88-96. – EDN FKFXWJ.

Ермаков, Т. К. Гуманитарные исследования техники: перспективы развития научного направления / Т. К. Ермаков // *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года*. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 207-214. – EDN OFKRCC.

Жанкова, Л. А. Практики сохранения культурной идентичности у армян Красноярского края / Л. А. Жанкова, М. А. Колесник // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 26–27 ноября 2020 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – С. 355-358. – EDN PFISPU.

Замараева, Ю. С. Понятия "нация", "национализм", "национальное государство" как элементы проекта модерна / Ю. С. Замараева // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 36-67. – EDN ACQVQM.

Замараева, Ю. С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности в Красноярском крае / Ю. С. Замараева // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 176-180. – EDN IVZEPU.

Замараева, Ю. С. Формирование понятия "сложная идентичность" в современных гуманитарных науках / Ю. С. Замараева // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 89-102. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-87-100. – EDN YBRGNW.

Исследование отношения населения Красноярского края к изменению климата и новым источникам энергетических ресурсов: Электронный ресурс / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, М. И. Букова [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – 162 с. – ISBN 978-5-763

Кистова, А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации / А. В. Кистова // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27–29 сентября 2018 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – С. 170-176. – EDN ISZABP. 8-3715-5. – EDN ZHOGQB.

Кистова, А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики / А. В. Кистова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-109-119. – EDN KLMBSN.

Кистова, А. В. Формирование коммуникативного (интерпретативного) этнографического метода в современном социальном познании / А. В. Кистова //NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 11. – С. 62-72. – EDN SXREQB.

Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный

институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.

Копцева, Н. П. Культурные трансформации: возможности изучения / Н. П. Копцева, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 36-44. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-36-44. – EDN ENUIWR.

Копцева, Н. П. Последствия внезапного изменения климата (предчувствие сюрпризов) / Н. П. Копцева, Э. В. Пашова // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 10-16. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-1-10-16. – EDN LQMOKU.

Копцева, Н. П. Социальные последствия изменения климата: Бланш Верли "Учимся жить с изменениями климата. От беспокойства к трансформации" / Н. П. Копцева, Э. В. Пашова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 208-214. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-1-208-214. – EDN TOQSYK.

Копцева, Н. П. Социальные последствия изменения климата: мировые практики изучения и прогнозирования / Н. П. Копцева, Э. В. Пашова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 280-293. – DOI 10.17516/1997-1370-0911. – EDN QDQESA.

Копцева, Н. П. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова // Урбанистика – 2015. – № 2. – С. 40-53. – DOI 10.7256/2310-8673.2015.2.16354. – EDN UHXSRJ.

Лещинская, Н. М. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом / Н. М. Лещинская, Е. А. Сертакова, Э. В. Пашова // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 20-29. – DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29. – EDN XAILEV.

Лобакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Лобакова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 89-97. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. – EDN VIDHCX.

Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.

Общая характеристика основных составляющих городской среды Красноярска / Ю. С. Замараева, А. В. Кистова, М. А. Колесник [и др.] // Сибирский антропологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 43-56. – DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-3-43-56. – EDN IKOUBL.

Пашова, Э. В. Психологические особенности экологического сознания и экологического поведения: обзор мировых и российских исследований / Э. В. Пашова //

Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 112-121. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-1-112-121. – EDN WVAWVL.

Середкина, Н. Н. Социологические основания общероссийской гражданской идентичности / Н. Н. Середкина // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 16-28. – EDN KSCIJJ.

Середкина, Н. Н. Трансформация этнической идентичности: концептуальный анализ / Н. Н. Середкина // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 53-62. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-4-53-62. – EDN ZMDOXS.

Сертакова, Е. А. Культурная география А. Лефевра в свете гуманитарных исследований социального пространства города / Е. А. Сертакова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 24-26. – EDN OWWBVT.

Сертакова, Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии / Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 70-86. – EDN UWASBH.

Ситникова, А. А. Экологический менеджмент в Центральной Сибири (на материале анализа Красноярского края) / А. А. Ситникова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 58-66. – EDN XOQVQL.

Трансформация городской среды Красноярска в 1991–2017 годы / Е. А. Сертакова, К. А. Крупкина, А. В. Кистова [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 76 с. – ISBN 978-5-7638-4177-0. – EDN CMBQME.

Управление брендингом сибирской территории в свете "нового регионализма" / К. В. Резникова, Н. Н. Пименова, А. В. Кистова [и др.] // Социодинамика. – 2016. – № 1. – С. 137-161. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.1.17395. – EDN VIDGXX.

Шпак, А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае / А. А. Шпак // Социология искусственного интеллекта. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 60-64. – DOI 10.31804/2687-0606-2021-2-3-60-64. – EDN LJGDZB.

Шпак, А. А. Конструирование сложных идентичностей и межгрупповые взаимодействия в полиэтничном пространстве / А. А. Шпак // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 75-80. – EDN PFYTHH.

Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы исследования сложных социальных идентичностей / А. А. Шпак // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 48-60. – EDN LJMMEJ.

Шпак, А. А. Сложные формы идентичности: проблемы исследования / А. А. Шпак, Ю. С. Замираева, Н. П. Копцева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 248 с. – ISBN 978-5-7638-4503-7. – EDN RSHYFZ.